

DOI 10.37386/2305-4077-2024-2-51-59

Н. В. Чаунина¹*Технический институт (филиал) Северо-Восточного
федерального университета им. М. К. Аммосова (Нерюнгри)*

ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ЛИРИКЕ ВАРВАРЫ ДАНИЛОВОЙ

Статья посвящена анализу форм психологизма в ранней лирике эвенкийской поэтессы Варвары Даниловой. Теоретической основой послужили работы А. Н. Веселовского, И. В. Страхова, А. Б. Есина, Н. В. Забабуровой и др. Автор останавливается на рассмотрении прямой, косвенной и суммарно-обозначающей форм психологизма, выявляя наиболее частотные приёмы психологической выразительности. Материалом анализа послужили ранние сборники стихотворений В. Даниловой «Только ты...» (1992–1996 гг.) и «Райский ад» (2005 г.).

Ключевые слова: литература малочисленных народов Севера, Данилова, формы психологизма, способы и приёмы выражения психологизма

N. V. Chaunina*Technical Institute (branch) of the North-Eastern Federal
University named after M. K. Ammosov (Neryungri)*

PRINCIPLES OF PSYCHOLOGICAL EXPRESSIVENESS IN LYRICS VARVARA DANILOVA

The article is devoted to the analysis of forms of psychologism in the early lyrics of the Evenki poetess Varvara Danilova. The theoretical basis was the work of A. N. Veselovsky, I. V. Strakhova, A. B. Esina, N. V. Zababurova and others. The author dwells on the consideration of direct, indirect and summary-designating forms of psychologism, identifying the most common methods of psychological expressiveness. The material for the analysis was V. Danilova's early collections "Only You..." (1992–1996) and "Paradise Hell" (2005).

Key words: literature of small peoples of the North, Danilov, forms of psychologism, ways and techniques of expressing psychologism

Психологизм – одно из специфических составляющих художественного произведения. Прямо или косвенно в тексте проявляются чувства, эмоции и переживания персонажей или самого автора. Отсутствие психологизма скорее исключение, чем правило. Так, ещё А. Н. Веселовский отмечал, что мифотворчество древнего человека базировалось на соотнесённости психологических состояний человека и явлений окружающего мира: «...вся природа представлялась живущей, то есть думающей, страдающей, любящей, ненавидящей, как люди <...> та

---

¹ Наталья Владимировна Чаунина – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Нерюнгри), chaunin@mail.ru.

же борьба за существование, преследование слабого сильным, те же победы и поражения. В деревьях, горах и реках также подозревали признаки личной жизни...» [Веселовский, 2010, с. 180]. Н. В. Забабурова выдвигает предположение, что обозначенные «психические ассоциации» формируют определённый набор языковых средств, обозначающих эмоции, психологические состояния, характерологические признаки и др. [Забабурова, 2014]. Они сначала проявляются в народной поэзии, а потом переходят в авторские произведения, видоизменяясь и усложняясь с наступлением каждой новой литературной эпохи. Вопросами психологизма занимались такие видные учёные, как Л. С. Выготский, Д. С. Лихачев, Л. Я. Гинзбург, И. В. Страхов и др.

В современном литературоведении психологизм определяется как прямое или опосредованное изображение внутреннего мира героя, его эмоций, чувств, переживаний и др. [Есин, 2003]. И. В. Страхов выделял три формы изображения психологических состояний: 1) «изображение характеров «изнутри»... посредством внутренней речи, образов памяти и воображения»; 2) «психологический анализ «извне»...», проявляющийся в произведении через речь, мимику и др. [Страхов, 1973, с. 4]. А. Б. Есин предложил называть упомянутые формы психологизма «прямой» и «косвенной», а также добавил третью форму – «суммарно-обозначающую» – чувства названы, но не изображены. Опираясь на данные теоретические положения, попытаемся определить преобладающие формы психологизма и способы их проявления в лирике эвенкийской поэтессы Варвары Васильевны Даниловой.

Актуальность заявленной темы исследования подтверждается литературоведческим интересом к изучению феномена «психологизм» в лирике русских поэтов [Емелин, 2010; Гулова, 2016; Цзоу Луэйэй, 2020 и др.].

Творчество В. Даниловой давно и прочно входит состав женской поэзии XX века. Член Союза писателей России, выпускница Высших литературных курсов при Литинституте им. А. М. Горького (г. Москва), Варвара Данилова – преемница лучших традиций русской классической литературы².

Цель данного исследования – анализ приёмов и способов воспроизведения психологических состояний, а также форм психологизма в ранней лирике В. Даниловой. Материалом исследования послужили первые сборники поэтессы – «Только ты...» и «Райский ад». Психологизм лирики В. Даниловой анализируется на тематическом и мотивно-образном уровнях.

Вслед за исследовательницами Е. А. Бабенковой [Бабенкова, 2003] и Е. В. Изусиной [Изусина, 2005] мы считаем важным учитывать гендерную специфику поэтических текстов. «Женская» поэзия отличается от «мужской» повышенной эмоциональностью, чувственностью, граничащей с исповедальностью, что характерно в целом для женского мироощущения. Это проявляется как в от-

---

² О связи поэзии В. Даниловой с традициями Серебряного века см. работы Ю.Г. Хазанкович [Хазанкович, 2017], Н. В. Чауниной, Н. В. Барахановой [Чаунина, Бараханова, 2022].

боре средств художественной выразительности, так и в создании самого образа лирической героини – носителя авторской интенции.

Обратимся к первому сборнику В. Даниловой «Только ты...» (1992–1996 гг.). В стихотворениях этого периода присутствуют как прямые, так и косвенные формы психологизма.

Так, например, в первом стихотворении сборника «Сегодня я разбила утро...» героиня открыто характеризует своё психологическое состояние: «*разбила утро*», «*опять чего-то не успела*», всё, что было вчера, вызывает сожаление. Завершающая торжественная кода – приветствие нового дня – ставит жирную точку на дальнейшей рефлексии [Данилова, 1992–1996, с. 3]³. В то же время Данилова по-ахматовски овеществляет психологическую интенцию, используя бытовые детали, тем напряжённее звучит, казалось бы, обыденное повествование⁴. Так же открыто эмоциональное состояние героини выражено в стихотворении «Моя любовь к тебе скандальна...» (с. 19).

В стихотворении «Склоняясь тихо над постелью...», следуя терминологии А. Есина, обнаруживаем суммарно-обозначающую форму психологизма: героиня явно испытывает душевную муку, изливая её в воображаемом портрете-воспоминании («*я целовала лунный лик*», «*мои капризные желанья*», «*долгожданный непокой*»), но содержание лирической эмоции остаётся за рамками текста (с. 9).

Косвенную форму психологизма обнаруживаем в стихотворении «Может, мост откровенья...» (с. 4). Автор обыгрывает известный фразеологизм «сжигать мосты» (отрезать путь к отступлению), подбирая разные варианты определений этого связующего элемента («*мост откровенья*», «*мост вдохновенья*» и др.). Многократный анафорический повтор вводного слова «*может*» усиливает ощущение неуверенности, сомнений героини в поиске ответа на важный личный вопрос, скорее всего, он касается ближайшего будущего, которое пугает своей неопределённостью.

Ещё сложнее построено стихотворение «Прохладой накатились будни...» (с. 6). Автор буквально нанизывает печальные образы: «*накатились будни*», «*мир ослеп*», день подобен приبلудному щенку, грызущему «*заплесневевший хлеб*», заражая читателя настроением подавленности, угнетённости. Причина такой картины неясна, возможно, ответ кроется в позиции героини по отношению к этому «*пёстрому снежному фону*», она – «*вертикальное тире*». Что это? Граница? Рубеж? Вызов заунывному миру? Вертикальное расположение знака тире можно интерпретировать и как устремлённость вверх, как антитезу горизонтали реального, праздного, мира. Здесь средствами изображения психологического состояния выступают детали природного «интерьера».

³ Цитирование стихотворений приводится по изданию: Данилова В. В. Только ты...: Сборник стихов 1992–1996. Нерюнгри(?): авторское издание. 70 с. Далее при цитировании номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

⁴ См. у А. Ахматовой: «Сегодня я с утра молчу, / А сердце – пополам. / На рукомылке моем / Позеленела медь...» («Молюсь оконному лучу...»).

В текстах стихотворений «Ночные краски густо-сини...», «Углями остывающего жара...», «Зацепилось облако за клён» и др. косвенная форма психологизма также выражена посредством картин природы.

Психологическое состояние лирической героини Варвара Данилова нередко иллюстрирует, воссоздавая воображаемый портрет или пейзажную зарисовку. Так, например, в стихотворении «Полю Гогену» темой такой иллюстрации становится ревность (с. 5). Интересно, что «репликами», которыми обмениваются недавние влюблённые, выступают картины. Он пишет экзотический пейзаж в духе Гогена, она – воображаемое полотно родной северной природы. Тем самым автор противопоставляет искусственность, провокативность *его* поведения и естественность, искренность *её* натуры. Героиню-художницу встречаем в таких стихотворениях, как «Склоняясь тихо над постелью...», «Пусть привычка // Системы ценностей...», «Куском замазки для оконных рам...», «Рисую твой портрет // Простым карандашом...» и др. Такая визуализация лирического переживания позволяет точнее представить его психологическое наполнение. Буквально в красках.

Ещё один пласт поэзии В. Даниловой составляют стихотворения, в которых психологизм выражается посредством обращения героини к родной природе, национальной культуре. Это неиссякаемые источники жизненной энергии и творческого вдохновения, место силы, где мгновенно заживают душевные раны и появляются планы на будущее. Так, в стихотворении «Вспугну я птицу раннюю...» есть прямое указание на целительную силу природы: «*Всё, что было изранено, // Лечит синь-благодать...*» (с. 63).

В стихотворении «От лета подарок храню до сих пор...» посредством воспроизведения идиллической картины деревенского детства героиня словно наполняется теплом, красками и звуками родной природы (с. 23). Сам ритм стихотворения напоминает лёгкую народную песенку, частушку: «*Зелёное поле, высокий камыш... // По берегу бродит мой маленький стриж...*».

Чувство умиротворённости внушает и другое стихотворение – «Мы опоздали к перелёту птиц...» (с. 26). Героиня – дитя природы, неотделимая её часть. Мягкое тепло снега, огонь, резной горизонт – её мир, понятный, родной. А в стихотворении «Мне солнышко на удочку клюёт...» игривая рыбка сравнивается с возлюбленным: он также привлекателен и неуловим («*а рыбка, как глаза твои играет*», «*и сердце от удачи замирает*», «*и вся душа уходит в поплавок*») (с. 44). Непредсказуемость любовной игры показана очень наглядно: «*...и вместо лески лопается сердце...*».

Психологизм первого сборника эвенкийской поэтессы обусловлен преимущественно обращением к теме любви и сопряжённым с ней темами природы и памяти.

Во втором сборнике В. Даниловой, «Райский ад» (2005), наблюдается как усложнение тематического диапазона, так и углубление психологизма. На первое

место выходят размышления о бренности человеческой жизни, вере, творчестве и непрочности человеческих взаимоотношений. Тема природы осмысливается также в философском ключе.

Обратимся к одному из психологически наполненных стихотворений – «Опять». Здесь соединяются как прямая, так и косвенная формы психологизма. Вынесенное в заглавие и пронизывающее текст «опять» указывает на неоднократную повторяемость ситуации «любовь – расставание»: «... *опять забьётся пульсом сладкий ключ <...> опять уткнусь в каштан твоих волос <...> опять я поцелую не тебя... // Опять пройдёшь ты мимо, не любя...*» [Данилова, 2005, с. 26]⁵. С каждым анафорическим повтором эмоциональное напряжение нарастает, набирая всё новые обороты, обрастая драматизмом. Остроту добавляют и детали-акценты: окровавленные пальцы, «*страстные штрихи*», молитва за грехи и др.

Ещё одним примером косвенной формы психологизма является стихотворение «Когда ослепнет ветхое жильё...» (с. 28). Общее настроение упадка, утраты актуализируется посредством нанизывания ряда природных образов: «*бродяжки слёзы*» дождя, «*гневное безмолвье*» свинцовой тучи, «*лохматая листва*», в которую кутается осень и др. На этом мрачном, безжизненном фоне выделяется лишь пара намёков на психологическое состояние героини: оксюморонное выражение «*слёзы радости неволи*» и «*он не смутит уже моей юдоли*». Опираясь на значение слова юдоль, данное в толковом словаре⁶ становится понятным, что героиня смиренно принимает свою участь, ту судьбу, которая ей выпала свыше. И природная стихия не пугает, а напротив, вступает в некий диалог с героиней, откликаясь на её душевное состояние. Однако причину тягостных раздумий автор не раскрывает. Таким образом, можно говорить о косвенной и суммарно-обозначающей формах психологизма.

Медитативное рассуждение о сложности человеческих взаимоотношений обнаруживается в стихотворении «За дымкой облака...» (с. 41). Снова фоном развёртывания лирической эмоции выступает осень. Предмет изображения – встреча бывших влюблённых. Дымка, облака, бокал с пьянящим джином создают интимную атмосферу. Боль разлуки утихла («*всё растворяется в годах*») и теперь воспринимается не столь трагично («*шалости и мука*»). Стихотворение строится как череда полунамёков-ассоциаций. Он и она встретились, и им не надо облекать свои мысли в слова, достаточно взглянуть друг на друга, чтобы снова окунуться в романтические воспоминания.

⁵ Цитирование стихотворений приводится по изданию: Данилова В. В. Райский ад: стихи. Якутск: Бичик, 2005. Далее при цитировании номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

⁶ Согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, одно из значений слова «юдоль» – «место, где страдают и мучаются, а также вообще о жизни с её заботами и печальями» [Ожегов, Шведова, 1992, с. 949].

Похожую картину наблюдаем в стихотворениях «Сентиментальный вальс Толстого...» (с. 42), «Эта осень отдышится листьями...» (с. 43) и др. Автор активно использует косвенную форму психологизма, передавая её содержание через природные детали, зачастую связанные с временами года (преимущественно, это осень или зима).

Своеобразную самохарактеристику героини обнаруживаем в стихотворении «Бездомная, домашняя, ручная» (с. 51). Приведём полный текст:

*Бездомная, домашняя, ручная,
Как кладь, кочую по земле.
Я – северная птица – сыч – ночная,
И свет дневной мне, что тепло в золе.
Уют мой в небе – хмурым и беззвёздном.
Мой быт в дорогах, письмах и стихах.
Я в вашей жизни словно бы проездом, –
Из мига в мир, задушенный в снегах...*

В этих строках явлена вся глубинная суть внутреннего мира героини. Текст построен на оксюморонных сочетаниях («бездомная, домашняя», «уют мой в небе – хмурым и беззвёздном», «быт в ... стихах» и др.), свидетельствующих о противоречивости природы. С одной стороны, стремление к покою и гармонии, с другой стороны, вечное движение вперёд, не терпящее осёдлости. Мир героини – мир Севера, «задушенного в снегах». На наш взгляд, именно это состояние постоянной борьбы со стихией (в том числе, стихией чувств), укоренённое в образе жизни малочисленных народов Севера находит здесь свою лирическую интерпретацию.

Подводя итог проведённому анализу, мы пришли к следующим выводам:

1. Психологическая наполненность стихотворений Варвары Даниловой напрямую зависит от тематики произведений. В текстах, посвящённых теме человеческих взаимоотношений, жизни и смерти, ускользающего прошлого и другим личностно-ориентированным темам, психологическая составляющая явлена в прямой, косвенной или суммарно-обозначающей формах (в стихотворениях городской или исторической темы личностное начало может и вовсе отсутствовать).

2. Преобладающей формой психологизма является косвенная. Предполагаем, что это, с одной стороны, дань традиции Серебряного века (в частности следование опыту А. Ахматовой), с другой стороны, – проявление особенностей менталитета северного народа (сдержанность в эмоциях, преобладание в характере волевых качеств, помогающих выжить в суровых условиях крайнего Севера).

3. Ведущими приёмами изображения внутреннего мира персонажей являются: опосредованное изображение через предметы реального мира, интерьера, детали пейзажа, как городского, так и связанного с малой родиной, родным северным краем. Реже встречаются прямые характеристики и самохарактеристики.

4. От первого сборника ко второму наблюдается изменение характера и интенсивности выражения лирических эмоций. Яркие всплески чувств сменяются зрелым сдержанным анализом причин и последствий тех или иных событий и ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенкова, Е. А. Гендерный фактор в поэтическом тексте / Е. А. Бабенкова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 107 с.

2. Веселовский, А. Н. Избранное. На пути к исторической поэтике / А. Н. Веселовский. – Москва: Автокнига, 2010. – 688 с.

3. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург: Азбука, 2000. – 416 с.

4. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Москва: INTRADA, 1999. – 415 с.

5. Гулова, И. А. Психологизм лирики А. Блока (на материале стихотворения «Искусство – ноша на плечах...») / И. А. Гулова // Русский язык в школе. – № 8. – 2016. – С. 36–42.

5. Данилова, В. В. Райский ад: стихи / В. В. Данилова. – Якутск: Бичик, 2005. – 64 с.

6. Данилова, В. В. Только ты...: Сборник стихов 1992–1996 / В. В. Данилова. – Нерюнгри(?): авторское издание. – 70 с.

7. Емелин, И. А. Проблема становления принципов психологической выразительности в преромантической лирике А. С. Пушкина / И. А. Емелин // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. – № 4. – 2010. – С. 127–133.

8. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы. 2-е изд., перераб. / А. Б. Есин. – Москва: Флинта: Московский психолого-социальный ин-т, 2003. – 176 с.

9. Забабурова, Н. В. У истоков художественного психологизма / Н. В. Забабурова // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. – 2014. – № 2. – С. 12–34.

10. Изусина, Е. В. Лирическая героиня в русской лирике XIX века (на материале творчества А. П. Буниной, К. К. Павловой, М. А. Лохвицкой): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – Русская литература / Е. В. Изусина. – Орёл: Орловский гос. ун-т, 2005. – 189 с.

11. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – Москва: Наука, 1970. – 178 с.

12. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская АН. Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. – Москва: Азъ Ltd., 1992. – 960 с.

13. Страхов, И. В. Психологический анализ в литературном творчестве: в 2 ч. / И. В. Страхов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – Ч. 1. – 118 с.

14. Хазанкович, Ю. Г. Современная поэзия малочисленных народов Севера: опыт рецепции творчества С. Есенина / Ю. Г. Хазанкович // Вестник Бурятского государственного ун-та. – 2017. – № 6. – С. 158–162.

15. Цзоу Лувэй. Психологизм любовной лирики Анны Ахматовой 1910-х – начала 1920-х годов (истоки, специфика): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – Русская литература / Цзоу Лувэй. – Москва, 2020. – 31 с.

16. Чаунина, Н. В. «Городской текст» в лирике Варвары Даниловой сквозь призму поэзии Серебряного века / Н. В. Чаунина, Н. В. Бараханова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 1. – С. 313–326.

REFERENCES

1. Babenkova, E. A. Gendernyy faktor v poeticheskom tekste / E. A. Babenkova. – Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2003. – 107 s.

2. Chaunina, N. V. «Gorodskoy tekst» v lirike Varvary Danilovoy skvoz' prizmu poezii Serebryanogo veka / N. V. Chaunina, N. V. Barakhanova // Nauchnyy dialog. – 2022. – Т. 11. – № 1. – С. 313–326.

3. Danilova, V. V. Rayskiy ad: stikhi / V. V. Danilova. – Yakutsk: Bichik, 2005. – 64 s.

4. Danilova, V. V. Tol'ko ty...: Sbornik stikhov 1992–1996 / V. V. Danilova. – Neryungri(?): avtorskoe izdanie. – 70 s.

5. Emelin, I. A. Problema stanovleniya printsipov psikhologicheskoy vyrazitel'nosti v preromanticheskoy lirike A. S. Pushkina / I. A. Emelin // Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 9. Filologiya. – № 4. – 2010. – С. 127–133.

6. Esin, A. B. Psikhologizm russkoy klassicheskoy literatury / A. B. Esin. – 2-e izd., pererab. – Moskva: Flinta: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy in-t, 2003. – 176 s.

7. Ginzburg, L. Ya. O psikhologicheskoy proze / L.Ya. Ginzburg. – Moskva: INTRADA, 1999. – 415 s.

8. Gulova, I. A. Psikhologizm liriki A. Bloka (na materiale stikhotvoreniya «Iskusstvo – nosha na plechakh...») / I. A. Gulova // Russkiy yazyk v shkole. – 2016. – № 8. – С. 36–42.

8. Izusina, E. V. Liricheskaya geroinya v russkoy lirike XIX veka (na materiale tvorchestva A. P. Buninoy, K. K. Pavlovoy, M. A. Lkhvitskoy): dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 – Russkaya literatura / E. V. Izusina. – Orel: Orlovskiy gos. un-t, 2005. – 189 s.

9. Khazankovich, Yu. G. Sovremennaya poeziya malochislennykh narodov Severa: opyt retseptsii tvorchestva S. Esenina / Yu.G. Khazankovich // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo un-ta. – 2017. – № 6. – С. 158–162.

10. Likhachev, D. S. Chelovek v literature Drevney Rusi / D. S. Likhachev. – Moskva: Nauka, 1970. – 178 s.

11. Ozhegov, S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeol. vyrazheniy / S. I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova / Rossiyskaya AN. In-t rus. yaz.; Rossiyskiy fond kul'tury. – Moskva: Az Ltd., 1992. – 960 s.

12. Strakhov, I. V. Psikhologicheskiy analiz v literaturnom tvorchestve: v 2 ch. / I. V. Strakhov. – Saratov: Izd-vo Saratov.un-ta, 1973. – Ch. 1. – 118 s.

13. Tszou Luvey. Psikhologizm lyubovnoy liriki Anny Akhmatovoy 1910-kh – nachala 1920-kh godov (istoki, spetsifika): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 – Russkaya literatura / Tszou Luvey. – Moskva, 2020. – 31 s.

14. Veselovskiy, A. N. Izbrannoe. Na puti k istoricheskoy poetike / A. N. Veselovskiy. – Moskva: Avtokniga, 2010. – 688 s.

15. Vygotskiy, L. S. Psikhologiya iskusstva / L. Vygotskiy. – Sankt-Peterburg: Azbuka, 2000. – 416 s.

16. Zababurova, N. V. U istokov khudozhestvennogo psikhologizma / N. V. Zababurova // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo un-ta. Filologicheskie nauki. – 2014. – № 2. – S. 12–34.